

colloquia
orientalia
bialostocensia

LITERATURA/HISTORIA

WYDZIAŁ FILOLOGICZNY
UNIwersYTETU W BIAŁYMSTOKU
NAUKOWA SERIA WYDAWNICZA

colloquia
orientalia
bialostocensia

LITERATURA/HISTORIA

14

STUDIA TATARSKIE
pod redakcją
Grzegorza Czerwińskiego

Seria 4

KATEDRA BADAŃ FILOLOGICZNYCH
„WSCHÓD – ZACHÓD”
UNIwersYTETU W BIAŁYMSTOKU

ZWIĄZEK TATARÓW RZECZYPOSPOLITEJ POLSKIEJ

KOMITET REDAKCYJNY SERII:

Mariya Bracka, Piotr Chomik, Lilia Citko, Agnieszka Czajkowska, Krzysztof Czajkowski, Grzegorz Czerwiński [Sekretarz Redakcji], Joanna Dziedzic, Anna Janicka, Tadeusz Kasabula, Andrzej P. Kluczyński, Kamil Kopania, Krzysztof Korotkich, Grzegorz Kowalski, Paweł Kuciński, Lucy Lisowska, Jarosław Ławski [Redaktor Naczelny], Barbara Olech, Iwona E. Rusek, Michał Siedlecki, Łukasz Zabielski

Recenzenci tomu:

prof. dr hab. Włodzimierz Szturc (Wydział Polonistyki, Uniwersytet Jagielloński)
prof. zw. dr hab. Henryk Jankowski (Katedra Studiów Azjatyckich, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza)

Redaktorzy tomu: Grzegorz Czerwiński, Artur Konopacki

Opracowanie graficzne i skład: Alter Studio

Korekta: Jolanta Dragańska, Aleksander Gadomski (j. rosyjski), Jacek Partyka (j. angielski)

Indeks nazwisk: Grzegorz Czerwiński

Na okładce wykorzystano fotografie ze zbiorów NAC

Copyright by Katedra Badań Filologicznych „Wschód – Zachód” Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2015

Copyright by Związek Tatarów RP, Białystok 2015

ISBN 978-83-64081-24-8

Książka została przygotowana w ramach projektu badawczego „Literatura polsko-tatarska po 1918 roku”. Projekt finansowany ze środków Narodowego Centrum Nauki przyznanych na podstawie decyzji numer DEC-2012/07/B/HS2/00292.

Wydanie publikacji zrealizowano przy wsparciu finansowym Urzędu Marszałkowskiego Województwa Podlaskiego.

Wydawca tomu:

Alter Studio, 15-281 Białystok, ul. Legionowa 30 lok. 211

tel./fax 85 72 22 545, e-mail: biuro@alterstudio.com.pl

www.alterstudio.com.pl

ESTETYCZNE ASPEKTY LITERATURY POLSKICH,
BIAŁORUSKICH I LITEWSKICH TATARÓW
(OD XVI DO XXI W.)

AESTHETIC ASPECTS OF THE LITERATURE OF
POLISH, BELARUSIAN AND LITHUANIAN TATARS
(FROM THE 16TH TO THE 21ST CENTURY)

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛЬСКИХ, БЕЛОРУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ТАТАР
(XVI–XXI ВВ.)

Edited by
GRZEGORZ CZERWIŃSKI
ARTUR KONOPACKI

Białystok 2015

NAUKOWA SERIA WYDAWNICZA

COLLOQUIA ORIENTALIA BIALOSTOCENSIA

Wschód, Pogranicza, Kresy, obrzeża i krańce, peryferie i prowincja to miejsca o szczególnej mocy kulturotwórczej. Równocześnie jest to przestrzeń oddziaływania odmiennych centrów cywilizacyjnych, religijnych, językowych, symbolicznych i literackich. Białystok i Podlasie, dawne ziemie Wielkiego Księstwa Litewskiego i całej jagiellońskiej Rzeczypospolitej to miejsce i dynamiczna przestrzeń pograniczna w głębokim znaczeniu: stykają się tutaj przecinające Europę na pół płyty kontynentalne cywilizacji łacińskiego Zachodu i bizantyjskiego Wschodu. Ścierają się tu, ale nie niszcząc wzajemnie, Orient ze światem Zachodu, Bałtowie ze Słowianami, prawosławni z katolikami, Białorusini z Polakami, Ukraińcy i Rosjanie. To źródło niemal wygasłej, niegdyś żywej tradycji żydowskiej, wyniszczonej przez Szoah, powoli odbudowującej się w nowym otoczeniu kulturowym i etnicznym. Tu znajdują się wielkie centra religijne i kulturalne wschodniego i zachodniego chrystianizmu: Ostra Brama, Żyrowice, Święta Góra Grabarka, Poczajów, Troki, Ławra Supraska, Grodno, Żytomierz, Bar, nade wszystko Ławra Kijowsko-Pieczerska; tu leżą ośrodki polskiego islamu: Kruszyniany i Bohoniki, centra religijne Karaimów, źródła chasydyzmu.

Białostockie Kolokwia Wschodnie to idea służąca międzykulturowej i międzyreligijnej wymianie myśli, utrwalaniu źródeł pamięci i tożsamości kulturowo-historycznej, badaniu świadectw literackich, artystycznych, przedstawiających przenikanie się wiar, kultur i tożsamości.

„Colloquia Orientalia Bialostocensia” to naukowa seria wydawnicza, której zadaniem jest publikowanie materiałów źródłowych i prac naukowych dotyczących szeroko rozumianego dziedzictwa europejskiego Wschodu. Jego części stanowią...

- Kultura, literatura, historia Europy Środkowej i Wschodniej.
- Cywilizacyjne i kulturowe pogranicza Europy i innych kontynentów, Orientu, Południa, Śródziemnomorza.
- Pierwsza Rzeczpospolita oraz kultury krajów słowiańskich, bałtyckich, germańskich, romańskich.
- Wielkie Księstwo Litewskie, Podlasie i Polesie, Inflanty, Kresy, pogranicze wschodnie, Prusy Wschodnie.
- Kultury mniejszości: Białorusinów, Żydów, Karaimów, Ukraińców, Rosjan, Niemców, Romów, Tatarów, staroobrzędowców, prawosławnych, protestantów.
- Tradycje, obrzędy, symbole i mity narodów Wschodu, języki ludów zamieszkujących tę kulturową przestrzeń.

RADA NAUKOWA SERII WYDAWNICZEJ

COLLOQUIA ORIENTALIA BIALOSTOCENSIA:

Andrzej Baranow (Wilno, Litwa)
Adam Bezwiński (UKW, Bydgoszcz)
Grażyna Borkowska (IBL PAN, Warszawa)
Tadeusz Bujnicki (UW, Warszawa) – Przewodniczący
Urszula Cierniak (AJD, Częstochowa)
Mieczysław Jackiewicz (UWM, Olsztyn)
Wołodmyr Jerszow (Żytomierz, Ukraina)
Dmitry Karnaukhov (Nowosybirsk, Rosja)
Zbigniew Kaźmierczyk (UG, Gdańsk)
Anna Kiezuń (UwB, Białystok)
Halina Krukowska (UwB, Białystok)
Ryszard Löw (Tel Awiw, Izrael)
Jan Leończuk (Książnica Podlaska, Białystok)
Elżbieta Mikiciuk (UG, Gdańsk)
Małgorzata Mikołajczak (UZ, Zielona Góra)
Swietłana Musijenko (Grodno, Białoruś)
Aleksander Naumow (UJ, Kraków)
Viviana Nosilia (Padwa, Włochy)
Jerzy Nikitorowicz (UwB, Białystok)
Eulalia Papla (UJ, Kraków)
Danuta Piwowarska (UJ, Kraków)
Jarosław Poliszczuk (Kijów, Ukraina)
Rościsław Radyszewski (Kijów, Ukraina)
German Ritz (Zürich, Szwajcaria)
Krzysztof Rutkowski (UW, Warszawa)
Tadeusz Sucharski (AP, Słupsk)
Wanda Supa (UwB, Białystok)
Maciej Tramer (UŚ, Katowice)
Halina Turkiewicz (Wilno, Litwa)
Alois Woldan (Wiedeń, Austria)
Igor Żuk (Grodno, Białoruś)

SPIS TREŚCI
CONTENTS OF THE BOOK
СОДЕРЖАНИЕ

Grzegorz Czerwiński, Artur Konopacki

Tatarskie spotkanie naukowe w Białymstoku i Sokółce. Wprowadzenie
Tatar Scientific Meeting in Białystok and Sokółka. Introduction
Научная встреча, посвященная проблемам татар, состоялась
в Белостоке и Соколке. Введение 13

I.

RĘKOPISY TATARÓW WIELKIEGO KSIĘSTWA LITEWSKIEGO
MANUSCRIPTS OF THE TATARS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA
РУКОПИСИ ТАТАР ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Shirin Akiner

An Eclectic Literary Monument: The Religious Literature of the Tatars of
Belarus, Lithuania and Poland 33

Artur Konopacki, Joanna Kulwicka-Kamińska, Czesław Łapicz

Nieznany rękopis polskiego przekładu Koranu 49

Anetta Luto-Kamińska

Znaczenie literatury Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego dla badań
lingwistycznych nad polskimi tekstami dawnymi 69

Dmitry Sevruk

Exorcism Rites from khamail-manuscripts of Lipka Tatars 85

Magdalena Lewicka

Identyfikacja i analiza tekstologiczno-filologiczna arabskiej warstwy językowej stron 478-485 tefsiru z Olity (1723) 107

II.

WSPÓŁCZESNA LITERATURA TATARÓW POLSKICH
CONTEMPORARY LITERATURE OF POLISH TATARS
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬСКИХ ТАТАР

Jan Tyszkiewicz

Kilka uwag o pisarstwie Stanisława Kryczyńskiego 135

Светлана Червонная

Поэзия и журналистика Селима Хазбиевича 143

Maciej Dajnowski

Fantazmat Wielkiego Stepu we współczesnej poezji
Tatarów polskich 165

Michał Łyszczarz

Społeczny wymiar współczesnej poezji polskich Tatarów 183

III.

TATARZY – KONTEKST LITERACKI I KULTUROWY
THE TATARS – LITERARY AND CULTURAL CONTEXT
ТАТАРЫ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Лилия Габдрафикова

Татарский фольклор как основа национального этикета 205

Ляйсан Бадертдинова Татарская литература периода Казанского ханства: исследования и исследователи.	217
Jolanta Sztachelska Tatarzy Henryka Sienkiewicza	227
Anna Cudowska Wpływy tatarskie w modzie polskiej od XVI do XIX wieku.	245
Marek M. Dziekan Życie i dzieło bośniackiego pisarza muzułmańskiego Muhameda Nevaiego Uskufiego (XVII w.)	255
Николай Васькив «На все взгляни, осмысли все». Мотивы и образы поэзии Матымгулы Пырагы	281
Sergii Rybalkin Modern Moroccan Arabic Poetry: Its Beginnings and Development . .	303
Noty o Autorach	321
Summary	327
Indeks nazwisk	329
Указатель имен	340

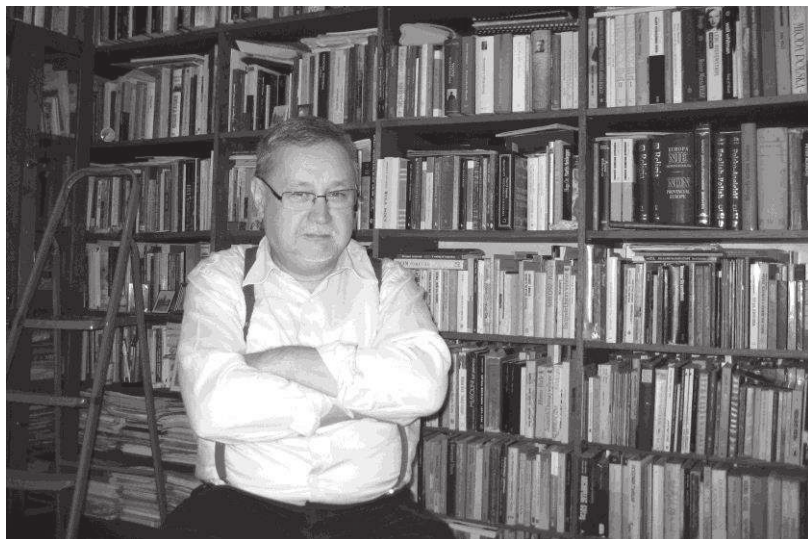
Светлана ЧЕРВОННАЯ

Университет Николая Коперника в Торуня (Польша)

ПОЭЗИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА СЕЛИМА ХАЗБИЕВИЧА

Внутренний пафос моей статьи заключается в горячем желании опровергнуть характеристику, – не знаю, насколько справедливую, но, безусловно, очень жестокую, – которую один известный поэт дал российской читающей публике, презрительно сказав: «Они любить умеют только мертвых...». Мне очень хотелось бы не только от своего имени, но и от имени моих прежних российских и новых польских соотечественников, поляков и татар, показать всему миру, что мы умеем и ценим, и любить не только наших классиков, давно не подвластных людскому суду, не только почтенных аксакалов, подводящих итоги длинному жизненному и творческому пути, но и людей, находящихся в расцвете сил, в зените их творческих возможностей, а на некоторых отрезках избранного ими пути, может быть, даже в самом начале, людей, среди нас живущих, сегодня активно работающих, как все смертные, в чем-то не совершенных, в чем-то заблуждающихся, не застрахованных от творческих кризисов и ошибок, но все силы своей души отдающих делу, в основе которого лежит, – старомодно говоря, а иначе просто не скажешь, – благородная задача служения своему народу. Людей не суетливых; если и честолюбивых, то в той мере, в какой просто не может не быть честолюбивым настоящий ученый и писатель, и самое главное, людей талантливых.

Таким человеком является наш современник, поэт, журналист, историк, политолог, профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, польско-литовский татарин Селим Мирза Хазбиевич.

Fot. 1.

Селим Хазбиевич в своей библиотеке (2014 г.)

Считая своим долгом, прежде всего, напомнить некоторые черты его биографии⁵³⁸, я хочу при этом обратить внимание на то, насколько для многих представителей татарской общины в Польше он является близким, в буквальном смысле слова «одним из нас».

Однако, подчеркивая то, что Хазбиевич является «одним из нас», что в его биографии нет ничего особенно исключительного, напротив, многое перекликается и повторяется в жизни других представителей татарской интеллигенции в Польше, я вовсе не хочу сказать, будто его жизнь – это нечто «рядовое», скромное, маленькое, ничем не выделяющееся явление. Нет, та божественная искра таланта, которую излучает его душа – интеллект и интуиция, отличает, возвышает его, окрашивает пламенем вдохновения и яркими красками творческой неповторимости его личность, и эта личность не укладывается ни в какое «среднее» прокрустово ложе, не растворяется ни в какой массе

---

⁵³⁸ Все детали этой биографии и семейной истории изложены на основе записанных автором бесед с Селимом Хазбиевичем в Гданьске в феврале 2014 г.

типологически подобных явлений. И не только в поэзии, но и в его семейной биографии, в стечении обстоятельств, от него, казалось бы, не зависящих, привлекают к себе внимание моменты неповторимые, знаменательные.

Селим родился 17 ноября 1955 г. в Гданьске. При родах первого и единственного сына умерла его мама, 19-тилетняя Зулейха из дома Смайкевичей (родилась в Вильнюсе в 1936 г.). На послевоенных черно-белых фотографиях остался портрет скромно одетой татарской девочки с округлым, освещенным доброй и доверчивой улыбкой лицом, с темными волосами, заплетенными в тугие косы. Ей не пришлось даже взять на руки новорожденного (она не очнулась от данного ей наркоза). Мальчика забрали из родильного дома и взяли на свое воспитание дед и бабушка по материнской линии – Али Смайкевич и Зофия из дома Байрашевских (ее предки жили в Минске, а родители переселились в Слоним). Али Смайкевич был потомственным виленчанином, сыном имама-настоятеля вильнюсской мечети, возвышавшейся в Лукишках на месте будущей «площади Ленина» и снесенной советской властью уже при первой оккупации Вильнюса в 1940 г. Али (дед Селима) принадлежал до войны к передовым кругам татарской интеллигенции в Вильне, дружил с выдающимся представителем крымскотатарской политической эмиграции Едиге Кырымалом – будущим автором труда *Национальная борьба крымских тюрко-татар*⁵³⁹, значительную часть которого Селим уже в 1990-х гг., будучи сначала заместителем главного редактора, а затем главным редактором «Ежегодника польских татар» [„Rocznik Tatarów Polskich”] опубликовал в переводе на польский язык⁵⁴⁰. Получив от отца исламское образование, Али Смайкевич в то же время увлекался техническими науками, окончил техникум в Вильне и продолжал учиться за рубежом – в Политехническом университете Гренобля. Первая советская оккупация ознаменовалась для него арестом, заключением в тюрьму (на той же площади Лукишки, где еще стояла деревянная мечеть), и в бурном

⁵³⁹ E. Kirimal, *Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918*, Emsdetten 1952.

⁵⁴⁰ E. Kirimal, *Narodowa walka krymskich Turków*, тл. M. Golemski, „Rocznik Tatarów Polskich” 1993, том 1, с. 63-70; 1994, том 2, с. 11-120; 1997, том 4, с. 143-156.

лихолетье начала 1940-х гг. ему лишь чудом удалось сохранить свою жизнь. В 1946 г. Али Смайкевич использовал возможность репатриации из советской Литвы в Польшу и переехал с женой и дочерьми из Вильнюса в Гданьск (кроме младшей Зулейхи, в семье была еще старшая дочь Джемиля, впоследствии ставшая врачом и возглавившая общину мусульман города Гданьска, сыгравшая немаловажную роль в воспитании Селима и в его приобщении к деятельности на исламском религиозном поприще, в частности, к строительству Гданьской мечети и к работе в этой мечети в качестве ее первого имама-настоятеля).

Как в каждой мусульманской татарской семье, Селим практически не знал горечи сиротства. Дед, бабушка, тетка окружали его заботой, любовью, воспитывали в традициях исламской религии, морали, обычаях (в доме всегда почетное место занимал *Коран*, хранилась целая коллекция спасенных от вандализма татарских рукописей, исполненных арабской каллиграфией, *мухиров* и *хамилей*), хотя обстановка в Польской Народной Республике (ПНР) 1950–1960-х гг. мало благоприятствовала сохранению этих традиций, и о многих бедах, выпавших на долю татарского народа как в самой стране, так и за ее восточной границей – в Советском Союзе, в семье старались не говорить.

Не обделял Селима вниманием и его родной отец Эмир Хазбиевич (1933–1991), и хотя в доме отца, женившегося вскоре после смерти Зулейхи второй раз на Раисе Богданович, Селим никогда не жил, но и традиции этой татарской семьи оказывали влияние на формирование личности Селима, тем более, что и с этой стороны семейная история была полна драматических катаклизмов. Дед Селима по отцовской линии Ян Хазбиевич, состоятельный шляхтич из деревни Орда Татарска Несвежиского повята Новогрудского воеводства, в 1939 г., когда Красная Армия вторглась на эту землю, в войске уже не служил, но показался советской власти достаточно неблагонадежным элементом. Его арестовали, и только с помощью местных белорусов, с которыми Ян Хазбиевич издавна дружил, удалось выволить его из застенков НКВД. Во время войны Ян Хазбиевич был одним из тех, кто спасал от нацистского

холокоста евреев, и имя его увековечено на памятнике жертвам холокоста, возведенном в Нью-Йорке. Умер Ян Хазбиевич в 1972 г., и Селим хорошо помнит его рассказы и горькие воспоминания. Не пощадила судьба и родителей мачехи Селима – Раисы Хазбиевич-Богданович. Ее отец служил в армии Колчака, был арестован чекистами на Дальнем Востоке, в 1921 г. бежал из советской России в Польшу, где его принял, как своего давнего друга, маршал Пилсудский (до Первой мировой войны они вместе учились в кавалерийской академии). В 1940 г. Богданович был в чине генерала, когда он был арестован на советско-польской границе («за дезертирство из рядов Красной армии»). Более двадцати лет провел он в советских тюрьмах и лагерях. Всю семью Богдановича выслали в Сибирь, и в Польшу они смогли вернуться только во второй половине 1950-х гг.

С отцом у Селима были сложные отношения. Получивший назначение на должность директора одной из школ Гданьска, Эмир Хазбиевич старался и в словах, и в мыслях следовать курсу Польской объединенной рабочей партии, и чем старше становился Селим, тем труднее ему было понять поведение и мышление своего отца. Однако споры и разногласия между ними не ломали семейных традиций. Через все детство, молодость и зрелые годы пронес и сохранил Селим дружбу со своими младшими сводными братьями (от брака с Раисой у Эмира Хазбиевича было два сына: Стефан Хазбиевич стал кинорежиссером, его младший брат Ромуальд успешно занимается бизнесом в Варшаве).

В 1962 г. Селим пошел в школу (Гданьская средняя школа № 58), очень хорошо учился, успешно окончил в 1970 г. восемь классов и перешел в гданьский Лицей имени Николая Коперника. В 1974 г. по завершению этого лицея получил аттестат зрелости. О лицее и преподававших там учителях (прежде всего об учительнице польского языка и литературы Галине Межвинской) у него остались особенно светлые воспоминания, поскольку это была прекрасная школа, где учили самостоятельно думать, где поддерживали творческие задатки, где даже не боялись инакомыслия (насколько это было возможно в 1970-х гг.). Отсюда перед Селимом открылась

прямая дорога в Гданьский университет на факультет филологии, где он занимался польским языком и литературой (поступил в 1974, окончил в 1980 г.). Первое время после окончания университета он работал в гданьских школах учителем. В 1982 г. он женился на своей бывшей сокурснице Анне Бочковской (в отличие от многих неппрочных браков современных представителей интеллигенции, эта семья оказалась крепкой и нерушимой). 9 сентября 1983 г. у них родился сын Ольгерд.

Для Селима это было трудное время и в духовном, и в материальном, отношении. Еще в 1980 г. он поставил свою подпись на одном из воззваний писателей Гданьска, выступивших в поддержку участников забастовки на гданьских верфях, положившей начало движению «Солидарности». Власть не прощала строптивым «подписантам» вольномыслия и, расправившись с рабочими, начала «разбираться» с творческой интеллигенцией. Месяцами Селим, уволенный из одной школы, не принятый в другую, не имел никакого постоянного заработка. Он не был тогда активным политическим деятелем, не был даже в полном смысле этого слова диссидентом, но его связи с оппозицией коммунистическому режиму возникли и окрепли после введения в стране военного положения.

В 1986 г. Польшу посетила делегация религиозных и политических деятелей Саудовской Аравии. Встреча с этой делегацией стала решающим и переломным моментом в жизни Хазбиевича. Через «Мусульманский религиозный союз», бывший тогда едва ли не единственной легальной организацией, представляющей интересы татарского этнического меньшинства в Польше, из Саудовской Аравии были переведены средства на издание ежеквартального журнала «Мусульманская жизнь» [„Życie Muzułmańskie”]. С 1986 до 1990 г. «Мусульманская жизнь» выходила регулярно, журнал был легальным, продавался в киосках «Рух». Денег хватало не только на издательские расходы, но и на оплату труда журналистов, редакторов, переводчиков. Не занимая официального поста главного редактора, Хазбиевич в те годы отдавал журналу все свои силы и вел титаническую работу, которую

по праву можно сравнить с журналистским подвигом крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского, приступившего в 1883 г. к изданию первой в царской России общетюркской газеты «Герджиман». Со страниц журнала «Мусульманская жизнь» польские татары заново узнавали свою историю, открывали ценности своего культурного наследия, своего славного прошлого, получали информацию о нынешнем положении дел в разбросанных по стране мусульманских общинах (гминах). Если спонсоры из Саудовской Аравии планировали основать в Польше чисто религиозное периодическое издание, разъясняющее верным мусульманам и еще не приобщенным к исламу читателям основы исламской веры, главные положения *Корана* и *Сунны Пророка*, историю исламского вероучения, то в действительности, во многом, благодаря усилиям Хазбиевича, «Мусульманская жизнь» выполняла не только эти функции, но стала популярным культурно-просветительным и историческим журналом, которого татарам Польши все послевоенные годы не хватало, как глотка свежего воздуха или чистой воды⁵⁴¹. «Мусульманская жизнь» было первым звеном восстановленной цепи татарской периодики в Польше, Литве и Белоруссии (в Минске в 1991 г. появился ежеквартальник «Байрам. Татары на зямлі Беларусі» – печатный орган общественной

⁵⁴¹ Довоенный, бывший печатным органом Культурно-просветительского союза татар Польской Республики, научно-литературный альманах «Ежегодник татарский» [„Rocznik Tatarski”], редактируемый Леоном Найманом Мирзой Кричинским, увидел свет только в трех выпусках-томах, первый из которых появился в Вильнюсе в 1932 г., второй – в Замощце в 1935 г. и третий – в Варшаве в 1938 г. Другое периодическое издание, бывшее печатным органом Вильнюсского отделения Культурно-просветительского союза татар Польской Республики, ежемесячник «Татарская жизнь» [„Życie Tatarskie”] под редакцией Стефана Туган-Барановского, выходило в свет с января 1934 до августа 1939 г. Также в 1930-е гг. прервалось издание журнала «Исламское обозрение» [„Przegląd Islamski”], выходившего в Варшаве нерегулярно в 1930–1937 гг. (его главным редактором был эмигрировавший из советской России Вассан-Гирей Джабаги, бывший глава парламента Горской республики на Северном Кавказе). После Второй мировой войны, в Лондоне, печаталась на польском языке газета «Голос с минарета» [„Głos z Minaretu”], издаваемая польско-литовскими татарами, оказавшимися в политической эмиграции. Она выходила раз в два месяца (до 1949 г.) и официально считалась печатным органом Главного Имамата польских мусульман в эмиграции. В ПНР татары не имели своего периодического издания, если не считать печатавшихся на пишущей машинке в 1970–1973 гг. в Гданьске по инициативе Мачея Конопачко и Махмуда Жука и распространяемых нелегально «Мусульманских тетрадей» [„Zeszyty Muzułmańskie”].

организации «Аль-Китаб», в Вильнюсе в 1995 г. – газета „Lietuvos totoriai“ [Татары Литвы], печатный орган Союза общин татар Литвы).

Для Селима Хазбиевича работа в редакции журнала «Мусульманская жизнь» в 1986–1990 гг.⁵⁴² означала не только конец черной полосы безденежья, безработицы, своей полной политической незащищенности перед еще свирепствовавшим коммунистическим режимом, но начало совсем новой эпохи, в которой он, прежде всего, нашел свое место как журналист и издатель, посвятивший все усилия и труды делу охраны культурного наследия и духовного возрождения своего народа – татарского этнического меньшинства в Польше. Пользуясь старыми штампами, можно было бы сказать, что с этого времени он поставил на службу татарскому народу свое журналистское перо, но как раз в это время писанию пером и стуку на пишущей машинке приходила на смену практика компьютерных наборов, ксерокопий и изографов, оказавшаяся незаменимой в издательском деле, открывшая перед татарской печатью в Польше стремительные скорости и неслыханные прежде возможности. Селим легко осваивал новую технику, и полиграфическое качество его изданий (авторских текстов, переводов, составленных им сборников коллективных трудов, редактируемых им сначала тонких, а затем и толстых журналов) буквально на глазах совершенствовалось – от бледных, подслеповатых оттисков на газетной бумаге до прекрасных, богато иллюстрированных книг в форме изящных миниатюр и торжественных фолиантов.

В новых условиях свободы, общественных реформ, отсутствия цензуры, неограниченной творческой инициативы, разнообразия грантов, выделяемых общественными организациями и государственными фондами, преобразования всего национального книжного рынка открылись возможности, о которых прежде трудно было даже мечтать, и хотя этому способствовали и новые экономические риски (Селиму не раз приходилось с такими рисками

---

⁵⁴² Издание журнала прекратилось на 18-м выпуске в 1992 г.

сталкиваться и от некоторых издательских проектов отказываться), сделать на протяжении последней четверти века ему удалось поразительно много. Главным его детищем был «Ежегодник польских татар» [„Rocznik Tatarów Polskich”], который продолжал традиции издания «Татарский ежегодник» 1930-х гг. Он был официальным печатным органом Союза польских татар. В его издании принимали участие привлеченные Хазбиевичем к работе ведущие историки и ориенталисты, занимавшиеся проблемами польско-литовских татар. На его страницах были опубликованы многие его собственные исследования. Это было важнейшее издание в истории периодики польско-литовских татар. Оно увидело свет в 1993 г., продолжало регулярно выходить до середины следующего десятилетия (в 2005 г. альманах перестал издаваться из-за отсутствия средств) и было возобновлено спустя девять лет под грифом Мусульманского Религиозного Союза и Высшей Мусульманской Коллегии в Польской Республике. Первый (в общей последовательности 15-й) том новой серии появился в 2014 г.

К числу наиболее значительных исследований Хазбиевича, восполняющих многие пробелы, освещающих важнейшие страницы истории польско-литовских, а также крымских татар, относятся появившиеся на протяжении двух десятилетий (1993–2012) статьи: *Идеологические концепции польских мусульман в 1918–1939 гг.*⁵⁴³, *Татарско-мусульманская печать в Польше между 1939 и 1996 гг.*⁵⁴⁴, *Религиозная культура польских татар*⁵⁴⁵, *Элементы суфизма в традициях и обрядности польских татар*⁵⁴⁶, монография *Крымские татары. Борьба за нацию и свободную Отчизну*⁵⁴⁷, написанное в

⁵⁴³ S. Chazbijewicz, *Ideologie muzułmanów polskich w latach 1918–1939*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1993, том 1, с. 15–42.

⁵⁴⁴ *Idem*, *Prasa tatarsko-muzułmańska w Polsce w latach 1939–1996*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1995, том 3, с. 87–103.

⁵⁴⁵ *Idem*, *Kultura religijna Tatarów polskich*, „Rocznik Tatarów Polskich” 1995, том 2, с. 66–88.

⁵⁴⁶ *Idem*, *Elementy sufizmu w tradycji i obrzędowości Tatarów polskich* [в:] *Tatarzy – historia i kultura. Materiały z sesji naukowej w Szreniawie 26–27 czerwca 2009*, pod red. S. Chazbijewicza, Szreniawa 2009, с. 11–20.

⁵⁴⁷ *Idem*, *Tatarzy krymscy. Walka o naród i wolną ojczyznę*, Poznań 2001.

соавторстве со Славомиром Мочкуном историческое эссе *Татары под Грюневальдом*⁵⁴⁸.

Вспоминая статьи и книги Хазбиевича (а представляю я здесь далеко не полный список его публикаций, а лишь верхний срез, заметную верхушку огромного айсберга), мы не должны забыть и о той роли, которую он сыграл, как редактор, издатель, переводчик и инициатор переизданий в публикации классических, далеко не всегда доступных в первоизданиях трудов по татарской проблематике, среди которых *Крым Джафера Сейдамета*⁵⁴⁹ и уже упомянутая выше книга Едиге Кырымала⁵⁵⁰.

Уход в журналистику и издательское дело в жизни Хазбиевича имел несколько важнейших параллелей, без которых эта журналистика не была бы ни столь яркой, ни столь страстной, ни столь глубокой. Эти параллельные линии его деятельности определились на том же переломе конца 1980-х – начала 1990-х гг. и шли через всю его дальнейшую жизнь, а если порою на некоторое время прерывались, то вскоре возобновлялись снова. Это касается его общественной деятельности в татарских организациях, его религиозной деятельности на исламском поприще и его научной и преподавательской деятельности в польских университетах.

В 1992 г. он является одним из основателей Союза польских татар. Целое десятилетие (1998–2007) Хазбиевич исполнял обязанности Председателя Центрального Совета Союза польских татар. Его общественная деятельность развивается не только в границах Польши. Несколько лет (1993–1997) Хазбиевич представлял созданный и возглавленный им Союз польских татар на конгрессах Федерального Союза европейских национальных меньшинств, действующего на консультативных началах при ООН и Европейском Совете, участвуя в Конгрессах, проводимых ФСЕНМ во Фленсбурге (1993), Гданьске (1994), Сан-Моритце (1995), защищая в своих выступлениях, принципиальных, острых, категоричных (а говорить ему приходилось

⁵⁴⁸ S. Chazbijewicz, S. Moćkun, *Tatarzy pod Grunwaldem*, Grunwald 2012.

⁵⁴⁹ Осуществленное в 1990 г. факсимильное переиздание брошюры: D. Sejdamet, *Крым*, Warszawa 1930.

⁵⁵⁰ E. Kirimal, *Narodowa wojna Tatarów krymskich*, tł. M. Golemski, Gdańsk 2006.

и на русском и на английском языках) интересы не только татарского меньшинства в Польше, но также права братских тюркских народов, оставшихся в границах Российской Федерации и Украины. Таким образом, с самого начала общественная деятельность Хазбиевича выходит на широкую международную арену. С 2009 г. он является членом Президиума постоянно действующего Всемирного конгресса крымских татар и принимает деятельное гражданское участие в судьбе родственного польско-литовским татарам крымскотатарского народа.

Fot. 2.

Встреча группы польских и крымских татар с Президентом Польской Республики Брониславом Коморовским в Гданьске в ноябре 2010 г. на торжественном открытии памятника татарскому воину – защитнику Европы. Справа от Президента муфтий и председатель Союза мусульман Польши Томаш Мишкевич, рядом с ним Селим Хазбиевич

Неоценимый вклад внес Хазбиевич в современное «мусульманское возрождение» польских татар. По его инициативе и при его активном участии строилась мечеть в Гданьске, в которой он несколько лет (1996–2004) исполнял обязанности имама. В 1997–2004 гг. он был членом Высшей мусульманской коллегии Польской Республики. Выступив в конце 1990-х гг. с инициативой развития в

Польше экуменического диалога между исламом и христианством, он сделал в этом направлении очень много и в 1998–2008 гг. был сопредседателем Общего совета католиков и мусульман Польши.

Научная деятельность, в которую он углубился на рубеже 1980–1990-х гг., стала важнейшим фундаментом, опорой его журналистики, источником разносторонних знаний по истории, культуре, религии польско-литовских татар. В 1991 г. он завершил под руководством профессора Яцека Собчака диссертацию *Идеологии польских татар в межвоенный период*, которую успешно защитил в Университете имени Адама Мицкевича в Познани, получив в 1992 г. ученую степень доктора политологии (в российском эквиваленте – кандидата наук). В 2002 г. в том же университете он защитил докторскую диссертацию на тему политической истории крымских татар в XX в.⁵⁵¹, получив высшую ученую степень доктора наук (*doktor habilitowany*) в области политологии. К тому времени и в своей преподавательской деятельности Хазбиевич перешел от преподавания польского языка и литературы в средних школах и лицеях к преподаванию истории религии и политологических дисциплин студентам университетов. В 1998 г. его пригласили на работу в Высшую педагогическую школу в Ольштыне. В 1999–2000 гг. эта школа была реорганизована в Варминьско-Мазурский университет, где с 2002 г. он занял должность профессора Института политологии, сформированного в рамках Университета.

Если бы на этом можно было поставить точку, то, мне кажется, из всего выше изложенного описания жизни и деятельности Хазбиевича вырос бы достаточно представительный портрет, достойный внимательного, почтительного и благодарного к нему отношения со стороны современников, прежде всего татарского этнического меньшинства в Польше, у которого не так то уж много столь сильных и ярких интеллектуальных представителей.

---

⁵⁵¹ В основу диссертации была положена монография: S. Chazbijewicz, *Tatarzy krymscy. Walka o naród i wolną ojczyznę*, Poznań 2001.

Fot. 3.

Селим Хазбиевич в Крыму (2013 г.)

Все дело в том, что рядом с этим портретом Хазбиевича – журналиста, ученого, профессора, общественного и религиозного деятеля татарско-мусульманской культуры, – впрочем, «рядом», – это, наверно, неточно, скорее «над», а еще точнее глубоко «внутри», в каждой клеточке сложной духовной и интеллектуальной организации этой личности, – существует другой Хазбиевич – сказочник, романтик, поэт.

Стихи он начал писать очень рано, как самому ему помнится, в 14–15 лет. В 1973 г. состоялся его первый печатный дебют: стихотворение 17-тилетнего лицеиста было опубликовано в польском журнале «Поэзия» [„Poezja”]. С энтузиазмом и вдохновением молодого (может быть, самого молодого в Гданьске и во всей Польше) печатающегося поэта он стал активно участвовать в литературной жизни Гданьска 1970-х гг., был одним из составителей и соавторов альманаха молодых гданьских поэтов *Nowy transport posągów* [трудно переводимое на русский язык ироническое название, обозначающее

нечто вроде прибытия *Нового поезда с приданными*] (1977); вступил в Союз писателей ПНР. Его стихи появлялись в литературных журналах и отдельными сборниками (первая книжка – *Вступление в сказку* [*Wejście w baśń*] – вышла в Ольштыне в 1978 г.; вторая – *Волибный рожок мальчика* – в Гданьске в 1980 г.⁵⁵²). Однако в 1970-е гг. молодой Хазбиевич еще не был поэтом татарского народа, ощущающего свою особенную идентичность в странах Восточной Европы и на исторической родине – в степях Евразии, на берегах Волги, в Крыму. Мне трудно судить, каким он был польским поэтом, в каком соотношении с высшими ценностями польской поэзии того десятилетия находились его стихи, проникнутые печальной лирикой, отвлеченной философией, тревожными раздумьями о жизни и смерти. В формальном отношении он, несомненно, – и поразительно рано как в контексте его личного опыта и возраста, так и в контексте исторических этапов развития польской литературы, – приближался к постмодернизму со всей его сложной системой разбитых рифм, оборванных фраз, ритмических диссонансов, с его ощущением тяжести и самооценности упавшего слова. В моральном, духовном измерении эта поэзия соответствовала гражданскому самоощущению человека в несвободном, закрытом обществе, и ее пессимистические мотивы, ее черная меланхолия, которые могут показаться удивительными в творчестве молодого поэта, уже не кажутся странными, если представить себе время, на какое приходится эта молодость. Сборник мрачных стихотворений *Волибный рожок мальчика* принадлежит человеку, которому еще не исполнилось 25-ти лет, но он появляется в 1980 г. в Гданьске: в то время и в том месте, где ни возможность смерти, ни готовность к смерти, ни растерянность перед жестокими реалиями жизни, ни страх, ни боль не кажутся невероятными.

Хазбиевич пишет:

Ciemne ciemno głodzi strach
[.....]

⁵⁵² S. Chazbijewicz, *Czarodziejski róg chłopca*, Gdańsk 1980.

To ja to ja mój lęk i księga
 Trawa trawa – tam się położę
 Nie – Żyłem, a żyłem – nie żąłem [...]
 Dostanę życia
 Życia muzyką
 Wodą do picia
 Smutnym oddechem płci –
 Snem – Życie
 Nieżycie – – –
 Jeszcze powstanę – ⁵⁵³

И еще:

Czemu mi tak smutno smutno –
 Czemu odejść stąd nie mogę
 Takie wielkie miasto, takie
 Wielkie lęki, głodny życia sen
 [.....]
 Cisza cisza
 Zapytaj ciszy – – – ⁵⁵⁴

Не знаю, можно ли сказать, что это совершенные стихи. Но это, безусловно, стихи своего времени – печальные стихи темного времени. И это еще чисто польские стихи, в которых нет даже отдаленного эха татарских мелодий, татарских ритмов, своих особенных – внутри польского общества – татарских сомнений, печалей, надежд. И может быть, только отдаленно, интуитивно, еще не сформулированное вербально, пробивается какое-то предположение, иллюзия, и когда в стихотворении *Ловчицы* Хазбиевич пишет:

Te dęby wyrosły same –
 jak moje dzieciństwo
 Muzyka polnej drogi –
 Więc jestem dopalony

⁵⁵³ *Ibidem*, с. 29.

⁵⁵⁴ *Ibidem*, с. 12.

Gotowy – proszę –
Szept
Tylko szept
Został – obroń mnie...⁵⁵⁵

– мы можем смутно в мелодиях пыльных дорог, в шепоте утешения, в шуме листвы выросших «сами по себе» деревьев услышать татарскую мольбу и жалобную песню, тем более жалобную, что у нее нет слов на родном языке, что она обречена на молчание в польской литературе.

Мне кажется, весь дальнейший творческий путь Хазбиевича-поэта был подвигом преодоления этого молчания, этой вынужденной немоты. Не имея никакого другого родного языка, кроме польского, Хазбиевич сумел найти образы, краски, сюжеты (никакое постмодернистское художественное мышление не помешало ему оперировать богатой фабулой, фольклорными источниками и современными сюжетами) для развития особого татарского направления внутри польской поэзии.

Полагаю, что решающим и переломным моментом в этом процессе эволюции поэтического творчества Хазбиевича было появление очень скромного, осуществленного за счет самого автора, напоминающего внешним видом подпольные выпуски «самиздата» сборника стихотворений *Крым и Вильно*⁵⁵⁶. Впервые в этом сборнике Хазбиевич декларирует свою этническую идентичность, определяет в категорических формах личной принадлежности („Krymie mój...”, „Azja jest we mnie...”, „Litwo tatarskich moich przodków kraino...”, „Ojciez mój duchowy i przodku – Dżyngis Chanie...”) основные источники, адреса, исходные пункты этногенеза польско-литовских татар, особенные духовные ориентиры собственной национальной гордости.

Выше уже говорилось о том, что научные исследования истории, культуры, религии польско-литовских татар были важнейшей параллелью и основой журналистики Хазбиевича. Можно добавить к

---

⁵⁵⁵ *Ibidem*, с. 44.

⁵⁵⁶ S. Chazbijewicz, *Krym i Wilno*, Gdańsk 1999.

этому – и его поэзии также. Но здесь соотношение между исторической истиной (или во всяком случае достоверностью исторических фактов) и поэтической декларацией, лирическим откровением, свободным выражением чувств, убеждений и фантазий поэта было гораздо более сложным, диалектически противоречивым. Стихи не были рифмованной лекцией истории. Стихи выражали мечту, тоску, надежду, стремление к идеалу, сожаление о несбыточном, и в ирреалистическом сплетении того, что было и чего не было никогда, выявлялись очертания художественно осмысленного (художественно преувеличенного) национального самосознания польско-литовских татар. В этом самосознании звонкой струной звучала новая политическая составляющая, которая имела особую ценность как проявление гражданской позиции поэта, в те переломные годы, когда за свободу надо было бороться, когда в потрясениях конца 1980-х гг. решались судьбы народов Восточной Европы, которая не потеряла своей актуальности и в наши дни, хотя бы на фоне нынешней российской оккупации Крыма, осуществленной в 2014 г.

В этом сборнике впервые увидело в свет стихотворение, которое Хазбиевич включал потом в другие книги своих стихов. Он посвятил его памяти своего деда Али Смайкевича и назвал *Татарская мечеть в Вильне* [*Meczeta tatarska w Wilnie*]. Подлинным чудом поэтического озарения он не только увидел вдали минувших десятилетий изумительный памятник деревянной архитектуры литовских татар, давно исчезнувший с лица земли, он вернул его людям конца XX и XXI в., он сделал его символом национального и гражданского самосознания новых поколений польско-литовских татар.

Meczeta tatarska w Wilnie,
Cichy jak sami Tatarzy,
Malutki drewniany meczet
Bardzo komuś przeszkadzał
Słuchał cichych skarg wiernych
Ich pragnień, codziennych radości,

Mijały imperia i armie
 On słucha i nawołuje
 Swoim milczeniem.
 [...]
 Zburzony przez radzieckiego
 Człowieka w imię szczęścia
 Postępu i zwycięstwa
 Które zadławi w końcu
 Naprawiaczy światła
 Meczet, cichy meczet tatarski
 Niemy świadek historii
 Wisi nad moim biurkiem
 Jest w moich wierszach⁵⁵⁷.

В последующие годы поэзия Хазбиевича приобретает все более изысканный восточный колорит. Выходят в свет сборники его стихотворений *Мистика татарских окраин* (1990)⁵⁵⁸, *Поэзия Востока и Запада* (1993)⁵⁵⁹, *Рубайи, или четверостишия* (1997)⁵⁶⁰, *Гимн к Софии* (2005)⁵⁶¹, виртуозно иллюстрированный самим поэтом сборник волшебных стихотворений в прозе *Басни (сказки), предания и легенды польских татар* (2012)⁵⁶².

В стилистике стихотворений Хазбиевича раскованная эстетика постмодернизма свободно сочетается с утонченными стилизациями, с традиционной для восточной поэзии формой рубайи (рубаятов/rubai'jjat), с изысканными подражаниями Джалалетдину Руми и Омару Хайяму.

Многие мотивы стихотворений Хазбиевича почерпнуты в сокровищнице исламской и тюрко-татарской мифологии. Романтическую интерпретацию обретают в современной поэзии классические сюжеты действительной и легендарной татарской истории, которых касается Хазбиевич в своих стихах, никогда не

⁵⁵⁷ *Ibidem*, страницы этого поэтического сборника не нумерованы.

⁵⁵⁸ S. Chazbijewicz, *Mistyka tatarskich Kresów*, Białystok 1990.

⁵⁵⁹ *Idem*, *Poezja Wschodu i Zachodu*, Warszawa 1993.

⁵⁶⁰ *Idem*, *Rubai'jjat albo czterowiersze*, Gdynia 1997.

⁵⁶¹ *Idem*, *Hymn do Sofii*, Olsztyn 2005.

⁵⁶² *Idem*, *Baśnie, podania i legendy polskich Tatarów*, Białystok 2012.

описывая подробно, а лишь напоминая о них, слегка прикасаясь к струнам, чье знакомое звучание находит отклик в душе народа.

Широко распространенный в мусульманской культуре, в частности в татарской поэзии и искусстве, «звериный мотив» связан с образом коня, обретающего волшебную красоту и силу. В «рубайях» Хазбиевича этот образ навеян ностальгией, рожденной романтикой татарской степной конницы.

Jeszcze dziś słychać jeźdźców wspaniałych,
Słychać rzenie koni oszalałych,
Rwie z kopyt chorągiew tatarska,
I jasno od szabel z pochew dobywanych⁵⁶³

В иной, исполненной в духе постмодернизма интерпретации этот мотив звучит в стихотворении, включенном в сборник *Гимн к Софии*:

Gdzie, gdzie coraz dalej
Pędząc do siebie i przed
Jak rytm przeskakując
We dnie
I w nocy
Rano
Konie, konie
Stada
Przetupują
Pragnienie źródlane⁵⁶⁴

Исламская мистика – учение суфизма, переосмысленное поэтом в контексте современной «безбожной», глобальной цивилизации, – придает глубокую эмоциональность его произведениям. Напомню только три из его «рубайи» – четверостиший, стилизованных под классическую поэзию Востока. Надеюсь, что они станут завершающими мазками к

⁵⁶³ *Idem, Rubai 'jjat...*, с. 28.

⁵⁶⁴ *Idem, Hymn do Sofii...*, с. 33.

портрету самого Хазбиевича, которого можно считать последним представителем суфизма в татарской поэзии.

Sufi Chorasani

W białych fezach i niemi, ślepi i z brodami,
Zjednoczeni z Najwyższym, spragnieni i sami,
Na bezdrożach pustyni, w skwarze, pili wiarę,
A wiatr ich dusz ustał pod raju bramami.⁵⁶⁵

Światło sufich

Wieczne wspomnienie Boga wśród upalnej drogi,
Pył dławi nasze gardła, ostry kamień – nogi,
Skwar spopiela usta, słońce spala oczy,
I raj boskiego Światła – ogród w sercu błogi.⁵⁶⁶

Omar Chajjam

Gdzież są tajemnice Twoich strof – Omarze,
Gdzież jest ten, kto Twym wierszom mówić każe?
Mową tajemną sufich, pielgrzymów przez wieki,
Poetów i derwiszów – przemów więc Omarze.⁵⁶⁷

В совершенстве владея польским языком, Хазбиевич создает на этом языке оригинальную по своему тематическому тезаурусу и неподражаемую в своих интонациях татарскую поэзию, которая одновременно является составной частью и современной польской литературы, и всемирной культуры татар.

---

⁵⁶⁵ *Idem, Rubai'jjat...*, c. 10.

⁵⁶⁶ *Ibidem*, c. 11.

⁵⁶⁷ *Ibidem*, c. 16.

POEZJA I DZIENNIKARSTWO SELIMA CHAZBIJEWICZA

Streszczenie: Twórczość poetycka Selima Chazbijewicza stanowi nierozdzieloną część jego działalności społecznej, dziennikarskiej i naukowej, nakierowanej na badanie historii i kultury polskich Tatarów, na zachowanie ich etnicznej i religijnej (muzułmańskiej) tożsamości. Wiele motywów z wierszy poety zostało zaczerpniętych z islamskiej i turkijsko-tatarskiej mitologii. Islamska mistyka (sufizm), ujmowana przez poetę w kontekście cywilizacji współczesnej, nadaje głęboką emocjonalność jego utworom. Doskonale czując stylistykę języka polskiego, Chazbijewicz tworzy w tym języku oryginalną w aspekcie tematycznym i wyjątkową w swoich intonacjach poezję tatarską, która jednocześnie stanowi część składową i współczesnej literatury polskiej, i ogólnoswiatowej kultury Tatarów.

Słowa kluczowe: Tatarska kultura w Polsce, poezja, dziennikarstwo.

SELIM CHAZBIJEWICZ'S POETRY AND JOURNALISM

Abstract: Poetic writings by Selim Chazbijewicz are inseparable from his public, journalistic and scientific activity that focuses on research of the Polish Tatars' history and culture, on the conservation of their ethnic and religious (Muslim) identity. Numerous motives in Chazbijewicz's poetry are gleaned from the Islamic and Turk-Tatar mythology's treasure-house. The mysticism of Islam – Sufism dogma, re-interpreted by the poet in the context of globalization of today, furnishes a deep emotional richness on his works. With a perfect command of Polish, in this language Chazbijewicz creates original Tatar poetry in terms of subject-matter and inimitable in its intonations, which at the same time constitutes a part of the modern Polish literature and a part of the World Tatar culture.

Key words: Tatar culture in Poland, poetry, journalism.